

Андрей Затонский
Иллюзии и дороги

Лирический путеводитель по Пермскому краю, спортивному туризму и не только...

Андрей Затонский

**Иллюзии и дороги. Лирический
путеводитель по Пермскому
краю, спортивному
туризму и не только...**

«Издательские решения»

Затонский А.

Иллюзии и дороги. Лирический путеводитель по Пермскому краю, спортивному туризму и не только... / А. Затонский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964704-7

Первая часть книги содержит иллюстрированные очерки об интересных походных местах Пермского края, в том числе не слишком широко известных. Вторая часть расширяет пространство дорог и иллюзий от Полярного Урала до юго-восточной Турции. В книге можно найти идеи для новых походов или поездок, красивые авторские фотографии, краеведческую и справочную (по состоянию на 2017—2018 года) информацию, а можно просто прочитать, что через тридцать лет походов думает о них автор...

ISBN 978-5-44-964704-7

© Затонский А.
© Издательские решения

Содержание

КАРАУЛЬНАЯ СОПКА	7
ЕМЕЛЬЯНОВСКАЯ ПЕЩЕРА	10
ВЕРХНЯЯ КОСЬВА	12
ОСТРЫЙ ТУР	15
ШУДЬЯ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Иллюзии и дороги Лирический путеводитель по Пермскому краю, спортивному туризму и не только...

Андрей Затонский

© Андрей Затонский, 2019

ISBN 978-5-4496-4704-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Почти все,

что случилось и описано в этой книге, стало возможным благодаря тому, что в моей жизни появилась Ольга Малышева. Моя опора, создатель и критик идей, контролер здравого смысла всех затей. И даже руководитель нескольких походов с моим участием – а этим вообще мало кто может похвастаться.

Ее успехам в спортивном туризме надо бы посвятить отдельную книгу. Она руководитель пешего похода 6 категории сложности, кажется, еще одна или две женщины в России то же самое о себе сказать могут. Она придумала, как приступить к Непроступному, как сходить пеший поход 4 категории с годовалой Лизой, как провести ангелов через перевал Горных Ангелов – да всего и не перечислить. Может быть, когда-нибудь появится и про нее книга, и будет она не менее интересной и увлекательной, чем эта. А пока просто спасибо. Большое. Огромное, как мир, который мы увидели вместе.

Часть 1

Такое нынче время, что приходится перепланировать отдых со ставшего вдруг недоступным зарубежья на родные края. В отличие от сомнительного успеха в импортозамещении цитрусовых и айфонов, это как раз возможно. Мы, жители предгорного края, тут даже имеем преимущество перед обитателями центральной России и крупных городов. Нам, на самом деле, не так далеко до многих интересных объектов. Это не только центры притяжения автобусных краеведов, наподобие общеизвестного Каменного Города, но и десятки укромных, отдаленных уголков края, малознакомых даже бывалым туристам. В этом смысле первая часть книги может быть и просто интересна в плане расширения кругозора, но может и натолкнуть на плодотворные мысли тех, кто планирует маленькие и большие походы.

КАРАУЛЬНАЯ СОПКА

– За водой пойдешь – пистолет с собой возьми, – напутствовала четырехлетняя Лиза бабушку.

Изба «на косе»

И вправду, вокруг избушки «на косе», как ее называют жители Вёлса, в сорока километрах от поселка, густо натоптала следов крупная рысь. Мало ли, что зверю в голову взбредет, пока вся остальная часть группы ушла на Караульную сопку? Рысь считать умеет, решит, что одна женщина с ребенком – легкая добыча...

Восьмого января 2016-го года в верховьях реки Вёлс потеплело до минус 24 градусов. Мощные ветры, что пытались сдуть нас с двух предыдущих вершин в этом походе, поутихли – над Маргаем уже не так привольно развеваются снежные ленты. Самое время перед выходом в цивилизацию подняться еще на что-нибудь интересное.

Караульная сопка – небольшая гора южнее хребта Маргай на севере Красновишерского района Пермского края. Она мало посещается туристами. Отсюда до поселка Вёлс по реке порядка 50 километров, да от реки еще тропить по буреломному лесу километра три до начала подъема. Дальше начинается крутой лесистый склон, тоже местами загороженный упавшими стволами; подниматься по нему приходится «змейкой», нарезая лыжню то влево, то вправо от направления на вершину. Снег в этом году сухой, похожий на песок. Он охотно оползает в пробитую первым человеком лыжню, и второму приходится за ним дотрапливать, а вот следующие туристы борются уже только с крутым подъемом. Местами тропильщик, отчаявшись найти пологий участок между деревьями и скальными выходами, сквозь зубы выдает несколько сложносочиненных предложений и начинает набивать вверх ступеньки. Получается слишком круто, а ведь еще спускаться тут потом.

Но эта, затерянная в глухом лесу, вершина стоит таких усилий. Большинство североуральских гор представляет собой более-менее украшенные одиночными скалками «кучи», курумниковые осыпные возвышения. Они могут быть крутыми или пологими, с плоской или заостренной вершиной, знаменитыми (как Конжак) или не очень, но все равно обобщающая их характеристика – «осыпная». А на вершине Караулки высится несоразмерно огромный гребень из вертикальных скал высотой 20—30 метров каждая. Зимой они плотно заштукатурены твердыми снеговыми наносами и в лучах низкого полуденного солнца смотрятся совершенно фантастически – хоть издали, с реки, хоть вблизи. Конечно, особенно приятно их видеть, когда доползаешь до них, весь в поту, по вышеописанному склону, и через поклапые, причудливо

изувеченные снежными шапками силуэты редких берез и елок вдруг ослепительно мелькнет грандиозный белоснежный зуб на фоне темного, не по-январски синего зимнего неба.

Влезть на зубчатку удалось только на самой южной оконечности, где она ниже всего и прорезана глубокими щелями. На север открылся впечатляющий вид на хребет Мартай, от середины и выше укрытый перетекающей через него тучей; на юге такие же тучи потихоньку начали закрывать солнышко. Так очень редко бывает, чтобы Гора позволила посмотреть ее при хорошем свете, а потом как бы намекнула, что не пора ли вам, ребята, в обратный путь. Как правило, Горы обожают дразниться. Залезешь на нее в густом молоке, ни вида, ни неба, а на спуске вдруг молниеносно рассосутся тучи, и великолепная вершина четко прорисовуется в небе, хоть снова на нее лезь. А сегодня, когда мы вдоволь налазались, наснимали кучу красивых фотографий, вдруг пропали контрасты, «зубы» затянуло сначала розоватой патиной, а потом они и вовсе слились с серым небом; что ж, пора в обратный путь.

Зубчатка сопки

Совершенно отдельное удовольствие после зимнего восхождения заключается в опасном и быстром спуске где по лыжне, где по целиковым сугробам крутого склона. Главное тут – не пытаться объехать одну и ту же елку двумя ногами с разных сторон... Что немаловажно, у всех нас это получилось. Собравшись внизу, у начала лесной лыжни, перевели дух и не спеша заскользили к реке, по пути перебираясь через обтопанные на подъеме буреломные завалы.

К избе вышли, когда небо уже плотно посерело на закате. Закончился предпоследний день традиционного новогоднего похода, в этом году проходившего между поселком Вёлс и заброшенным Сибиревским прииском. Помешивая супчик в котле, висящем над костром, мы радовались и печалились окончанию похода, вспоминали и планировали, морщились от дыма и пили холодный зимний воздух... жили, в общем. Как всегда живем в походах, другой, совершенно отличной от городской жизнью. На завтра оставались мелочи – выскочить сорок километров до поселка, завести замороженную машину и полтора-два километра не слетать с завьюженной дороги...

Так Караульная сопка выглядит с хребта Мартай

ЕМЕЛЬЯНОВСКАЯ ПЕЩЕРА

Эх, а бревна-то, оказывается, просели. Как вылезать-то будем?

Зал ледяных сталагмитов

Вход в некоторые пещеры значительно сложнее, чем сама пещера. Например, из Медвежьей, в Кизеле, можно вылезти только по лесенке или веревке через дырку в привходовом куполе. Вот и Емельяновская пещера, находящаяся неподалеку от станции Углеуральской, начинается купольной воронкой. Добрые люди когда-то набросали под купол бревен, и пять лет назад мы достаточно легко поднялись обратно, но бревна-то, оказывается, просели. А мы, по старой памяти, жумаров не взяли, только веревку. Ладно, навяжем узлов, чтобы руки не скользили, да вылезем.

В Пермском крае много пещер, больших и маленьких, сложных и не очень, известных и тщательно охраняемых знатоками от массовых посещений. Например, пещера Два Уступа около поселка Шумихинский известна единицам, и поверьте, она кардинально отличается от захоженных Российской и Вишерской пещер. В ней десятками зимуют летучие мыши (и никто их не беспокоит), в ней никто не пытается сломать и вытащить наружу красивые натски, да и глину на полу никто не месит. Усилия сообщества спелеологов по «охране» красивых пещер иногда удручают – так, в одной из пещер Геологов пермяки замуровали проход в наиболее красивые залы.

Кстати, надо бы съездить, раскопать и сходить туда снова.

А есть пещеры, которые сами себя охраняют. Вот до Емельяновской надо километров пять пробиваться по зимнему лесу. Айфонизация общества идет настолько успешно, что все меньше и меньше людей на это способны – к сожалению.

Емельяновская пещера небольшая, около 300 метров в длину. Примечательна она тем, что в первом от входа зале зимой нарастает удивительно много ледяных сталагмитов. Практически невозможно пройти через него и не сломать один-два. Толчея ледяных столбиков, высотой до метра и больше, выглядит фантастически красиво. Правда, их высота год от года разная – в 2010-м году они были выше пояса, а в этом осень была быстрая и холодная, и сталагмиты поднялись не выше колена. Но все равно красиво. Главное при фотосъемке не дышать – во влажном воздухе пещеры выдох мгновенно оборачивается облачком тумана, которое во вспышке светится ярче людей и стен. Получаются такие туманно-засвеченные снимки. А впрочем, никакой снимок природы никогда полностью не передает ощущения, возникающие в реальности.

Еще Емельяновская пещера примечательна способностью испачкать посетителей. Да, она маленькая. Но из нее вылезаяшь, перепачканный глиной, будто семикилометровую Вишерскую прополз! «Какой хороший цемент, никак не отмывается» (С) – помните? Так и глина тут хорошая. Вязкая, чмокающая, непостижимым образом поднимающаяся по штанам чуть ли не до подмышек. Особенно в последнем зале Затопляемом, где под высоченными куполами изумрудным цветом отсвечивают небольшие, но глубокие, пещерные озера. Чистейшая вода, как известно, обманчива – кажется, что от поверхности до дна всего-то ничего, а брошенный туда камушек долго-долго опускается, а все никак не поднимет облачко глины, стукнувшись о дно.

Пещерное озеро

Налюбовавшись на озера, через пару узких мест поднимаемся обратно ко входу. Теперь период длительного ожидания в очереди, пока все, балансируя на просевших и обледеневших бревнах, с опорой на веревку выкарабкаются в темноту январской ночи. Кстати, с совершенно одинаковыми воплями – ох, и холодно же тут! После подземных пяти градусов тепла, неизменных круглый год в любой уральской пещере, минус двадцать на улице освежают до ненормативной лексики. Тут главное успеть быстро-быстро скинуть глинистый комбинезон, натянуть пуховик и свернуть комбинезон поплотнее, глиной внутрь. Дома разморозим и постираем. Иначе мокрая одежда заледенеет и не влезет ни в какой рюкзак. Отдельная проблема – затолкать в этот же рюкзак обросшие глиной сапоги, резина-то на морозе дубеет мгновенно, быстрее ткани. Ну, всё: пора в обратный путь по поверхности, к машине, к городу и к горячей ванне.

Очередные выходные прошли – не зря.

А вот и просевшие бревна

ВЕРХНЯЯ КОСЬВА

Правильный человек был дядя Гена. Последний житель опустевшей деревни Верхняя Косьва, он радовался простым гостям, туристам, звал ночевать у него в доме, рассказывал. Тех, кто приперлись не просто так, а за рыбой или металлом, не привечал. Глубокий, неподдельный патриот поселка, капитан парохода, осуществлявшего летний завоз, он, кажется, знал здесь все. Как жить. Как иметь еду – грибы, ягоды, рыбу, мясо. Как себя вести, чтобы выжить. Ведь даже иллюзия безопасности, за которую мы так дорого платим государству, заканчивается в двух шагах за пределами доступности полиции и сотовой связи. Не только дружелюбные люди встречаются там, где нет иллюзий. Тихого и немногословного зэка Юру, то ли беглого, то ли просто осевшего здесь, раз повздорившего с охотниками, сожгли как-то ночью вместе с его избёнкой на другом от дяди Гены берегу. С той поры жил дядя Гена один, без соседей.

Да, раньше Верхняя Косьва занимала оба берега реки. На правом берегу была крупная исправительно-трудовая колония с «филиалами» в Гашковке, Усть-Тыпыле и других деревнях. Зэки отбывали срока и «катали баланы», то есть валили лес, укрепляя экономическую мощь и обороноспособность родной страны. А на левом жили вольные, семьи, чьи корни терялись во тьме веков. Ведь, в отличие от многих поселений нашего края, Верхняя Косьва возникла не для обслуживания «зоны» в сталинские времена. Она была крупным перевалочным пунктом, торговым центром и постоянным двором знаменитой Бабиновской дороги. От деревень на Яйве сюда как раз день интенсивного гужевого хода, кроме того, летом река Косьва давала возможность дополнять тележную логистику водными перевозками. Знаменитая Бабиновская дорога здесь хорошо сохранилась – недалеко от дома дяди Гены глубокие колеи, минуя могилу неизвестного солдата, поднимаются в распадок высокого коренного берега и уходят в сторону Растёса и Кырьи, следующих нежилых поселков. Зимой колеи почти не видны под глубоким снегом, летом их размывают дожди и ручьи: Верхняя Косьва это еще и «полюс сырости» Пермского края.

Такой дядя Гена видел Косьву от своего дома

Вдоль правого берега Косьвы идет отсыпная дорога, созданная в интересах исправительно-трудовых учреждений, раньше соединявшая Кизел и поселок Кытлым в Свердловской области. По ней и до сих пор ездить можно, вот только мостов ни через речку Курейную южнее остатков поселка, ни через речку Березовка в трех километрах севернее не осталось. Первый сломали организаторы чемпионата по рыбалке, которые додумались привезти сюда участников на тяжелых списанных БТРах, находящихся в частном пользовании у жителя Александровска, а второй сожгли специально, чтобы металлисты не добирались до Усть-Тыпыла и Усть-Тылая. Металлисты это охотники за брошенным металлом, поиск и сдача которого спасают их от кизеловского экономического кризиса, и здесь их не все любят. Да и есть за что. В доме

дяди Гены, единственном до сих пор более-менее целом на левом берегу, после его смерти они убили печку, вырвав чугунные дверцы, плиту и колосники. А дом без печки не живет. Если хоть несколько раз в год печку не протопить, дом погибнет – сгниет, развалится, превратится в непривлекательное свалище бревен, не способное защитить и обогреть, дать жизнь.

Как дороги.

Как поселок.

Как богатый, красивый, но не вписывающийся в современную модель рваческой экономики край вокруг него.

Как дядя Гена – он умер от воспаления легких в больнице лет десять назад. Официальная версия – вот показалось ему отчего-то, что в доме пожар, решил он вылезти через окно, сломал бедро, переохладился, заболел. Отвар осинового коры, который он очень уважал и пил от болезней и для профилактики, помочь не смог.

Кого не трогают мельтешение экономических формаций и официальных версий, так это близкие к поселку горы. Они, конечно, немножко прихорашиваются, латают прореженные порубками зеленые одежды, но сами меняются мало. Вот нет уже поселка, кипевшего жизнью двадцать лет назад, вот уже не подтащит нас уже на своем «Буране» к поселку дядя Гена, вот уже заросли напрочь уральским «бамбуком», молодой порослью, подходящие к Острому Туру лесовозные дороги – а Тур стоит себе.

Но о нем в следующей главе.

Рисунок карандашом на стене в доме дяди Гены

ОСТРЫЙ ТУР

Острый Тур виден из Верхней Косьвы

Вокруг Березников не так-то много гор. Таких, как Одинокая Гора из «Хоббита» – чтобы вокруг непроходимые леса, чтобы высилась вершина одиноко над безлюдьем, не затмеваемая соседками и даже деревьями – ведь «горами» часто по ошибке называют возвышенности типа Полюда или Ветлана, еле-еле поднимающиеся над лесом.

Обычно уральские горы дружелюбны и семейственны. Они образуют длинные хребты, в которых чередуются вершины и перевалы. Некоторые горы (такие, как Белый камень или Ослянка) существенно вытянуты с севера на юг. И какая же морока, взобравшись выше границы леса, топтать по плато до главной вершины час-полтора.

Одиночных гор мало, но все же они есть: Шудья-Пендыш, Косьвинский камень и еще несколько. Самые близкие к нашему городу из них – Острый Тур и Чердынский камень. По прямой, как ворона летает, всего-то 100 километров. В хорошую погоду с автодороги Углеуральский – Губаха далеко на северо-востоке прорисовываются в небе две вершины – острая и покатая, часто принимаемые за облака. Кстати, плохая примета – раз так далеко и отчетливо видны горы, жди неделю дождей...

Острый Тур расположен к северу от нежилого поселка Верхняя Косьва на правом берегу одноименной реки. К сожалению, люди, как вороны, не летают, и добраться к подножию не так-то легко. Даже до Шудьи – и то проще, а ведь туда почти триста километров.

Мост через речку Курейку перед самой Верхней Косьвой

разрушен, а объезд примерно вот такой

Плохие дороги в Верхнюю Косью от Кизела и посёлка Скопкартной иногда проходимы на УАЗике, но надежнее использовать более серьезную машину. И дорога, это ведь еще не все. Добравшись до маленького домика на северной окраине поселка, единственного, сохранившегося на правом берегу, надо еще на гору залезть. Раньше на Острый ходили по старой лесовозной дороге, начинающейся за сожженным мостом через Березовку на дороге Верх. Косьва – Усть-Тыпыл. Там на отвороте стоял железнодорожный вагон – бывшая столовая, ныне успешно порезанный и вывезенный металлстами. Вагон был хорошим ориентиром, так что объяснить дорогу кому угодно было несложно. Это ведь сейчас можно скинуть по майлу трек для приемника GPS, и прибор услужливо покажет стрелкой, куда идти. Представляете, были времена без майла и GPS'ов, пути друг другу описывали по тропам и приметным объектам...

Отсюда дорога круто поднимается в горку, в подошву Острога. Гора находится достаточно далеко от поселка, так, что зимой никак не успеть сходить туда-обратно за светлое время. Ну, и ничего страшного. В этом недостатке скрыто дополнительное удовольствие. Невозможно описать словами драйв от ночного спуска по этому склону, между молодых деревьев и упавших уже впереди туристов, в свете слабенького четырехдиодного налобника, полный воплей ужаса и восторга («Не упал! Не упал!!»). Технические навыки в вопросах устойчивости на лыжах такие восхождения развивали необычайно. Но сейчас эта дорога уже совсем плотно заросла «бамбуком» – молодыми березками, кустами, чьи тонкие и не очень стволы совсем не оставляют места для лыжни или прохода.

Около вершины

Вот странно, кстати. Дороги на Северном Урале забамбучивает лет за пятнадцать напрочь. А лесные тропы и поляны часто известны десятилетиями, и ничего им не делается. Как описана какая-нибудь тропа в первом в истории края путеводителе С. А. Торопова, так и сейчас просматривается она на местности, кое-где заваленная упавшими стволами. И огром-

ные покосы на запад от перемычки между Острым и Чердынским чуть ли не со времен Бабинской дороги известны, а не зарастают.

Более простой, без бамбука, но более длинный путь начинается от отворота с отсыпной на лесовозную дорогу немного севернее Острога. Отсюда, с дороги Острый выглядит вообще грозно. В эту сторону, на восток, он круто обрывается от вершины вниз, визуально нависает над головой. Лес здесь неплотный, какое-то время можно двигаться, придерживаясь старой дороги, потом она пропадает. Вскоре подъем выводит на редколесье между Острым и Чердынским. За перегибом на северо-запад, начинается верховое болотце, где достаточно воды для ночлега летом. Ну, а зимой ее везде достаточно: топи снег да пей... На Чердынский лучше подниматься, держась западного склона, под которым есть большие альпийские поляны – те самые доисторические покосы. Напрямую к вершине сложнее, так как на пути окажется крутой, весьма неприятный кулуар.

В хорошую погоду Конжаковский массив и Косьвинский камень хорошо видны с Острога Тура

В длительном походе, например, с Конжака в нашу сторону, лучше всего начинать подниматься на этот перегиб со стороны нежилого поселка Усть-Тыпыль на востоке – там и лесовозки сохранились лучше, и подъем положе. С рюкзаком, да если еще зимой – это, знаете ли, совсем не то, что в радиальный выход за день налегке сбегать. Зато уж если в альпийские луга поднялся – попал на оперативный простор. Хоть куда восходи, хоть куда потом уходи: на Кадь, на Косьву, а то и верхами на север, на Кваркуш.

Плохая погода здесь – правило, а не исключение

Острый Тур стбит того, чтобы на него идти, чтобы пробиваться через лес и болото. Другие горы в окрестностях либо поднимаются из леса однообразными «осыпными кучами», либо поросли до вершины редким лесом, затрудняющим обзор, как Молчанский камень или Дикарь. А Острый Тур – маленькая, но самая настоящая гора. Здесь есть красивые скальные выходы, пологие осыпи на запад и крутой обрыв – на восток, здесь зимой ветер нещадно рвет лицо и одежду, с воем вырываясь из-за снежных застругов. Причем, масштабы-то здесь не городские. Седло перемычки между Острым и Чердынским находится на высоте 675 метров, а сами вершины – 924 и 939 метров высотой. То есть подъема тут – березниковская телевышка и еще маленько.

Отсюда прекрасный вид на близлежащие горы: Ослянку на юге и громадный Конжаковский массив на востоке, Чердынский и Сухой на севере, за которыми высокие лесистые холмы постепенно переходят в хребет Кваркуш. Внизу на юге, зажатая подножиями Острога камня и камня Дикарь, река летом ревет в порогах, успокаиваясь только ниже устья Березовки. Во все стороны просматриваются обманчиво приветливые старые дороги – к Верхней Косье, к Кади, к нежилому Усть-Тыпылу... а сунешься туда, бамбука мало не покажется.

Хорошо здесь, в общем, на этой Одинокой Горе.

Разве что дракона и сокровищ не хватает.

Впрочем, кто знает.

ШУДЬЯ

Двенадцать лет назад я тут тропил. Ох, **тропил**. То есть шел впереди группы на лыжах, прокладывая лыжню. Мокрый от напряжения, шатающийся, искренне недоумевающий – как так, я тут упираюсь изо всех возможных и невозможных сил, а они, сзади, весело беседуя, меня шустро так догоняют?

Многого же я не знал, на старости лет (как тогда казалось) начав заниматься лыжным туризмом. Не знал, что в лыжном походе теплее, чем в летнем – потому что сухо. Не знал, что минус сорок, это не так уж и холодно, важно правильно одеваться и ночевать. Не знал, как новогодний ветерок на вершине легко и непринужденно производит глубокий пилинг лица мельчайшим снегом.

Не знал, что первому, тропящему, идетя в разы труднее, чем второму, а третьему еще вдвое легче. По небольшому уклону третий даже может катиться, тогда как тропильщик с трудом проламывает снег и проваливается почти по колено. На Северном Урале снег неприветливый, пушистый, держит плохо. Но красивый – особенно на деревьях, расположенных близко к границе леса, и на горах. Там, где лес переходит в безлесье, ветер еще с осени укутывает деревья снежным саваном, плотно облепляющим ветви и превращающим обычную елку в черт-те что и сбоку сугроб. Иногда даже трудно понять, из какого дерева получился этот носорог, или эта ракета, или эта хитровывернутая загогулина. А еще выше даже такие деревья заканчиваются и в небо – белесое под новый год и безумно синее на восьмое марта – глубоко врезается снежный, фирновый, скалистый клин горной вершины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.